

ТЕОРИЯ ДЕНЕГ И КРЕДИТА И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ

К. Л. Курилёнок

*кандидат экономических наук, доцент кафедры банковской экономики,
Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь,
e-mail: K23L08kurilionok@gmail.com*

Существует мнение, что теории денег и кредита, требующие контроля над предложением денег, не применимы в условиях геополитического конфликта. Нами показано, что рост геополитической напряженности не оправдывает неконтролируемую денежную эмиссию. Расширение банковского кредитования реального сектора (в том числе оборонного сектора) является лучшей альтернативой неограниченному увеличению государственных бюджетных расходов. Наилучшей научной основой здесь по-прежнему является теория, основанная на парадигме свободного рынка.

Ключевые слова: геополитический конфликт; денежное предложение; инфляция; инвестиции; банковская система.

MONEY AND CREDIT THEORY AND GEOPOLITICAL CONFLICT

K. Kurylionak

*PhD in economics, associate professor of the department of banking economy, Belarusian
State University, Minsk, Republik of Belarus, e-mail: K23L08kurilionok@gmail.com*

Sometimes it is thought that money and credit theories which imply control over money supply are useless under conditions of a geopolitical conflict. We argue that increase in geopolitical tension doesn't justify uncontrolled money issue. Expansion of bank lending to the real sector of economy (including its defense sector) is a better alternative to the unconstrained growth of government spending. The theory based on the free market paradigm still remains the best scientific basis here.

Keywords: geopolitical conflict; money supply; inflation; investment; banking system.

В сложные для национальной экономики периоды (например, ситуация растущей геополитической напряженности, наступившая вслед за рецессией, связанной с пандемией) государственные регуляторы сталкиваются с понятными сложностями в части достижения ранее установленных целевых ориентиров. Это в первую очередь касается сферы макроэкономического регулирования – налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики.

Существует расхожее представление, которое заключается в том, что в такие периоды во всех сферах государственного регулирования должен господствовать дух чрезвычайности. По какой-то странной причине, в первую очередь это требует отбросить рецепты «кабинетной» науки и начать руководствоваться умозрительными соображениями. Последние же обычно сводятся к нескольким типовым пунктам: регулирование во всех сферах экономики необходимо «ужесточить»; политику поддержки малого и среднего бизнеса надо отложить до лучших времен;

высокая инфляция является неизбежной; денежная эмиссия должна определяться потребностью в государственных расходах; рост дефицита бюджета неизбежен и потому не имеет значения; необходимы многочисленные меры государственной поддержки в самых разных областях; в валютной сфере неизбежны девальвация и использование мер валютного контроля; «реальный» сектор экономики имеет абсолютный приоритет перед финансовой сферой и т. п. В экономических исследованиях начинает господствовать туманная парадигма, представляющую собой некую смесь антилиберализма и конспирологии.

Рассмотрим, например, денежно-кредитную политику. После глобального экономического кризиса 2008 года в среде американских антиглобалистов возникло неортодоксальное учение *ММТ* (*Modern Monetary Theory*), что довольно курьезным образом переводится на русский язык как «современная денежная теория». Как и все подобные учения, оно характеризуется размытостью структуры, множественностью терминологии и отсутствием единства логических подходов к обоснованию конкретных идей. Некоторые авторы, например, предлагают забыть «устаревшую догму» о том, что не существует никаких «государственных денег», кроме деньги налогоплательщиков. Нет, возражают сторонники *ММТ*, у государства есть свои «собственные» деньги, потому что оно их «печатает» (осуществляет денежную эмиссию). Другие добавляют к этому, что экономика представляет собой замкнутую систему различного рода балансов и для экономического роста необходимо, чтобы в этой замкнутой цепочке где-то возник дисбаланс (несоответствие правой части баланса левой). На роль такого «источника развития» предлагается государственный бюджет (соответствующий дисбаланс – дефицит бюджета). Получается, что чем больше дефицит государственного бюджета, тем больший «потенциал развития» раскрывается перед экономикой [5]. Понятно, что подобные идеи находят большую популярность среди определенного рода политиков и «государственных деятелей», получивших «научное обоснование» для основного своего устремления: «напечатать» (осуществить эмиссию) столько денег, сколько нужно, чтобы раздать их всем «хорошим парням» из числа правящей элиты (естественно, для решения важнейших стратегических задач). Что касается высокой инфляции, то она не возникнет при условии правильного подбора «хороших парней». Однако, на всякий случай следует разъяснить общественности, что высокая инфляция нужна для блага населения страны (во всяком случае, последующих поколений).

Подобные явления в экономической науке на сегодняшний день приняли слишком серьезный оборот, чтобы рассматривать их как забавные курьезы. Ситуация растущей геополитической напряженности только усиливает социальный запрос на подобного рода «альтернативщину» в сфере политической экономики. Появляются не только неомарксистские (часто не имеющие никакого отношения к идеям К. Маркса), но и «неофизиократические», и «неомеркантилистские» концепции, а также идеи технико-математической [2], естественно-научной, и даже теологической политэкономики [3]. Все они преследуют одну и ту же цель: заявить, что в условиях «глобального геополитического противостояния» научные экономические теории более не работают, и даже более того, могут представлять собой происки врага в рамках гибридной войны («англосаксонский мейнстрим»). А потому теперь «возможно все». Особенно то, что раньше было нельзя, но чего всегда хотелось.

Вместе с тем, научная теория потому и является научной, что стремится получить ответ на вопрос «Как есть на самом деле?», даже если у некоторых это вызывает разочарование. Чтобы продемонстрировать несостоятельность описанной выше «альтернативщины» во всех ее разнообразных вариантах, приведем пример из истории СССР, касающийся одной из самых драматических ее страниц – Второй мировой войны.

Пожалуй, наиболее серьезную проработку вопроса об управлении экономикой в условиях крайней степени геополитического конфликта – войны – можно найти в трудах Н. А. Вознесенского [1], который в годы Великой отечественной войны возглавлял Госплан СССР и был первым заместителем главы Советского Правительства (И. В. Сталина). Вознесенский, вероятно, был лучше, чем кто-либо другой, информирован о том, что конкретно означает понятие «внешнеэкономические риски» воюющей страны и как ими можно управлять (ведь он сам и возглавлял эту деятельность в СССР в 1941–1945 годах). Анализ его основного труда [1] указывает на то, что единственным действенным средством управления страны в условиях войны, при любом уровне мобилизации и напряжении сил, Вознесенский считал поддержание ряда естественных процессов, совместимых со стимулами нормального человека мирного времени, при сохранении стабильного денежного обращения как основного условия. С точки зрения нашего современного понимания вопроса, такая позиция имеет глубокое основание. Послевоенное восстановление экономики обеспечивается не контрибуциями или репарациями, не планом Маршалла или Варшавским договором, а опирается на тривиальный факт: наши экономическое восстановление и рост – это наши инвестиции, тогда как наши инвестиции – это наши сбережения, а наши сбережения – это наши вкладчики в наших банках (пусть даже речь тогда шла об одном единственном Сбербанке СССР). Нельзя захватить (освободить) военной силой зарубежные банки – вы не найдете там хранилищ с золотом (даже если найдете – это окажется мелочью). Банк – это организация, превращающая одни обязательства в другие. Вы не можете захватить/освободить чужих вкладчиков для финансирования своих инвестиций. Откуда же у вас могут появиться *свои* вкладчики? Наши вкладчики – это скорее наши же солдаты, после того как они будут демобилизованы и включатся в нормальную экономическую жизнь. Таким образом, совместимость со стимулами (этого термина Вознесенский, естественно, не употреблял – термин появился позже), а также стабильность национальной денежной единицы – вот главные принципы управления военной экономикой и экономикой послевоенного восстановления. Позвольте людям налаживать свою жизнь так, чтобы у них появились сбережения, дайте им стабильную национальную денежную единицу с адекватной реальной ставкой процента плюс депозитные организации, которым можно свои сбережения доверить. В результате вы откроете для себя самый главный источник финансирования необходимых капиталовложений, по сравнению с которым любая международная поддержка в стиле «нефть в обмен на помидоры» – это мелочь. По нашему мнению, здесь можно даже найти аллюзию на идеи Милтона Фридмана и неприязнь к кейнсианским стремлениям (которые и на Западе в то время подвергались критике) уподобить послевоенное восстановление выходу из очередной циклической рецессии с помощью роста государственных расходов.

Экономика СССР отличалась от современной экономики Республики Беларусь во множестве аспектов, так же как она отличалась от экономики США той же эпохи и, тем более, от ведущих экономик современного мира [4]. Но фундаментальные до тривиальности, экономические законы верны для всех упомянутых случаев. В их числе – положение о том, что инвестиции в будущее производство – это сегодняшнее недопотребление. Пока одни строят «Днепрогэс», другие должны делиться с ними хлебом. Пока одни делают танки – то же самое. Пока одни на войне – снова то же самое. Конкретные экономические механизмы, которые обеспечивают подобное сотрудничество – это уже другой вопрос. Эти механизмы, однако, существенно отличаются по эффективности. Более того, в их отношении можно ввести понятие «сохраняемость эффективности», что особенно важно, если рассматриваются периоды длительной геополитической напряженности, перекрывающий обычный цикл Левина для структурно-институциональных изменений в экономике (5–10 лет). Таким образом, вопросы инфляции и ценовой стабильности, контроля за денежной эмиссией, ликвидности и устойчивости банковской системы (и, как следствие, доверия индивидуальных вкладчиков к банковским вкладам *в национальной валюте*) вновь выдвигаются на первый план. Модели и подходы нового монетаризма (поисковая теория денег и модели регулирования банковской ликвидности), модели финансовой безопасности банковской системы (в том числе направление, сформированное нобелевскими лауреатами 2022 года Д. Даймондом и Ф. Дибвигом), теория экономических механизмов в смысле Гурвица-Маскина-Майерсона и т. д. оказываются актуальным исследовательским инструментарием. То есть, и в условиях долговременной геополитической напряженности востребованной все равно оказывается экономическая наука как *наука*, как *мейнстрим* в противовес «альтернативщине», «чрезвычайщине» и «антиортодоксии» всех мастей. Это дает четкие ориентиры для дальнейших исследований.

Библиографические ссылки

1. Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М. : ОГИЗ, 1947. 197 с.
2. Карганов С. А. Об ошибочности использования в народнохозяйственном планировании экономико-математической модели В. Леонтьева и межотраслевых балансов «Затраты – Выпуск» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aup.ru/articles/econo-nomics/12.htm> (дата доступа: 20.02.2023).
3. Катасонов В. Ю. Православное понимание экономики. М. : Кислород, 2019. 608 с.
4. Короткевич А. И. [и др.]. Совершенствования инструментария прогнозирования, планирования и анализа инновационного развития национальной экономической системы Беларуси. Минск : Изд-во БГУ, 2019. 245 с.
5. Modern Monetary Theory (MMT): Definition, History, and Principles [Электронный ресурс]. URL: <https://www.investopedia.com/modern-monetary-theory-mmt-4588060> (дата доступа: 20.02.2023).